

ХУДОЖНИК И СКАЗКА

Вениамин Николаевич Лосин. Заслуженный художник России. Родился в 1931 г. в Москве. В 1950-м окончил Московскую среднюю художественную школу, в 1956-м – графический факультет Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова (мастерская книги профессора Б.А. Дехтерева)

С 1952 г. работает в качестве художника-иллюстратора в издательствах «Детская литература», «Малыш», «Советская Россия», «Молодая гвардия» и др. В течение многих лет иллюстрировал произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, В.Ю. Драгунского и др. Всего художником проиллюстрировано более 180 произведений русской и мировой классической литературы.

С 1956 г. принимал участие в отечественных и зарубежных выставках. В 1958-м принят в Союз художников СССР. Награждался дипломами разных степеней на книжных конкурсах. Участвовал в выставках совместно с Евгением Мониным, Владимиром Перцовым и Виктором Чижиковым.

Часто ли в детстве мы смотрели на фамилию художника любимых книжек? Да, мы разглядывали подолгу картинку, листали, повторяя выученный наизусть текст сказки, любовались принцессами и рыцарями, изучали оленят и ежей... В памяти оставалось веселое Чудо-дерево из книжки К.И. Чуковского, или роскошный, седокудрый Вещий Олег, или курносая Аленка из «Денискиных рассказов» В.Ю. Драгунского. А автор рисунков – нет, он в детской памяти не застревал. Только когда читаешь все эти книжки по второму разу – детям или по третьему – внукам, выбираешь

знакомые, милые сердцу иллюстрации и встречаешь художника как старого приятеля, как друга детства. Вот с таким другом детства нескольких поколений советских читателей я и отправилась на встречу.

С чего началось изобразительное искусство

Вопрос. Вениамин Николаевич, как случилось, что вы пришли в детскую книгу?

В. Лосин. После художественной школы я пошел поступать в Суриковский. Конкурс был грандиозный, а мест – шесть. И искусствовед Чегодаев, я с его дочкой в школе в одном классе учился, посоветовал мне идти в полиграфический: здесь, мол, не светит ничего, а там он мне поможет. Но я уперся – упрямый был! Сдал экзамены и увидел свою фамилию в списке. Поступил я на живопись, но всю дорогу – и в школе, и в институте – делал стенгазеты. В институте это было листов десять-двенадцать, склеенных вместе и заполненных карикатурами на всевозможные темы. И Михаил Михайлович Черемных, руководивший мастерской плаката, стал меня уговаривать: «Иди, настоящим делом занимайся – графикой!». А на факультет графики ссылали тогда за неуспехи в живописи – чего ж мне добровольно в ссылку идти?

«С чего, – говорит Черемных, – изобразительное искусство началось, знаешь?». – «Знаю, – говорю, – с графики во всех этих первобытных пещерах. Дикий был человек! А потом цивилизовался – и началась живопись!». Но он взял меня за руку и привел в редакцию «Крокодила», и я, студент, стал в «Крокодиле» печататься. И сдался – с третьего курса перевелся на графику, попал в мастерскую Б.А. Дехтерева. Его курс был громадный – шесть человек! (У Финогенова, например, было всего двое.) За-

дания у нас бывали очень интересные, а мастер являл собой удивительно культурную фигуру: прекрасно владел французским языком, у него можно было найти все новейшие книги по искусству, истории костюма, какие-то невероятные фолианты, каких нигде невозможно было достать, — все это было у него... И еще он был удивительной порядочности и вежливости человек. И был главным художником Детгиза, так что из нашей мастерской прямой путь лежал в Детгиз.

«Работать в Детгизе все равно что петь в Большом театре»

Вопрос. И сразу после института вы оказались в Детгизе?

В. Лосин. Нет, я там начал работу раньше, еще студентом. В Детгизе длиннейшие коридоры были, и там стояли диваны, стулья, скамейки — и все было занято, толпы народу стояли. К Дехтереву, за работой. И его девиз был никому не отказывать. «Но от того, как вы сделаете эту работу, зависит, останетесь ли вы в нашем издательстве, — говорил он. — Старайтесь! И помните: работать в Детгизе — это все равно что петь в Большом театре».

Успехи Детгиза определяла великолепная техническая редакция. Это были знатоки удивительные. Елизавета Васильевна, секретарша в художественной редакции, кажется, все время пила чай с бубликом. Но она одна выполняла всю работу и помнила все совершенно — и кому когда что выписывать к оплате, и сколько букв шестнадцатого кегля в строке в восьмом формате. Такая обстановка стимулировала работу, и художническую в том числе.

Вопрос. Вы помните свою первую работу?

В. Лосин. Да! Георгий Ладонщиков «Кто быстрее?». Было так: одна из художниц пригласила слесаря батареею починить, а слесарь работал и чего-то мурлыкал. «Что это вы мурлычете?». — «А это мои стихи». — «Да? Завтра же со мной в Детгиз!». Вот так. А потом Ладонщиков стал секретарем детской секции Союза писателей. Потому что происхождение было лучше некуда: из рабочих и крестьян. Правда, секретарем он пробыл недолго, детские стихи писать ему лучше удавалось.

(Есть и другая версия этой истории: Ладонщиков был связистом, чинил телефон у С.Я. Маршака и признался ему, что сочиня-

ет стихи для детей. Дальнейшие события совпадают.)

А еще была книжка Р. Баумволь «Синяя варежка», и Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл и другие рассказы», и Л.Н. Толстого «Маленькие рассказы для детей». Ну, а кроме Детгиза был еще «Малыш», и «Советская Россия», и «Молодая гвардия», журналы «Веселые картинки», «Мурзилка». Но если работаешь в одном журнале, то в другом уже нельзя, надо под псевдонимом. Я был Петя Петушков.

Представьте себе, 11 миллионов — тираж «Веселых картинок», 9 миллионов — тираж «Мурзилки». Сколько же выходило для детей продукции! К тому же один экземпляр читал не один ребенок, он доставался нескольким. И при этом тираже подписка была еще ограничена!

Вопрос. А приходилось вам как-то общаться с вашими читателями?

В. Лосин. Приходили письма. И от детей, и от, условно говоря, «старых большевиков», которые ругали художника, например, за формализм. Письма читателей — это ведь такая история, в зависимости от того, что тебе нужно, бери из пачки письмо хвалебное или ругательное. Но одно письмо я до сих пор помню. Мальчик один мне из Сталинграда писал. «Что же вы, художник Лосина (там же написано — «рисунки Лосина», вот он и решил), не знаете, что щит у конника должен быть маленький, потому что этот щит надо было переносить через седло свободно на правую или левую сторону. А большой щит не перетащишь и подставишь себя под удар». Ну где такое узнаешь? Вот мальчишка где-то прочел. Так что бывали такие письма, полезные.

Вопрос. Как случилось, что вы оформляли одну книжку втроем или вчетвером — вместе с художниками Мониным, Чижиковым и Перцовым?

В. Лосин. Ну, это в «Мурзилке» такая компания у нас сложилась. Там, в редакции, образовался настоящий клуб по интересам, а интересы были общие — детская литература. Приезжал к нам Андрей Некрасов, автор «Капитана Врунгеля», приезжали из Ленинграда художники Ю. Васнецов и В. Курдов, и мы у них гостили. Ленинградская школа художников детской книги была тогда на такой высоте!.. А московская!.. Сейчас ничего этого не осталось.

Вопрос. Детская литература вообще у нас была лучшая в мире!

В. Лосин. Ну, не знаю, чешская книга была тоже очень хороша, в Югославии очень хорошие были художники детской книги и в Польше. И в Канаде тоже.

Вопрос. И что же, ничего у нас не осталось?

В. Лосин. Да, многого недостает... Если говорить об анималистах, у нас была замечательная плеяда очень талантливых и знающих людей. Мы вот часто ездили в Карелию, в приполярные места, на охоту и на этюды. Выскакивали на разезде Воньга, где вообще поезда не останавливались, — знакомый начальник разезда давал красный свет! — и жили там по два месяца натуральным хозяйством. Охотились, чтобы прокормиться. Дрова пилили, кололи. А все остальное время рисовали, там ведь белые ночи стояли, рисуй день и ночь! Места сказочной красоты, птичьи базары — для анималиста раздолье.

Из высказываний на вернисаже

Художник Виктор Чижиков: «Лосин, как истинный художник, стоит обеими ногами на земле. Все земное жутко трогательно изображает. Особенно мне нравятся в его исполнении всегда какие-нибудь маленькие

собачки, которые вышли погулять и смотрят чего-то. Тут богатыри гуляют, а маленькая собачка за ними смотрит. И такие все они осторожные, кошки — трогательные, собачки — трогательные. И в то же время — какие-то люди мощными движениями валят леса. Чудесный художник, прекрасный».

Перломон и Ломопер

Вопрос. Да, так как же с книжками «на четверых» получилось?

В. Лосин. Заказали мне «Сказки бабки Куприянихи», а Монин, Перцов и Чижиков тоже захотели их оформлять. Как бы это сделать? Ну, решили брать, кто чего хочет: Перцов делает шрифты — заголовки и буквы, Чижиков — пару веселых иллюстраций, Монин — декоративные заставки, форзац, обложку придумал под мозаику, я — все остальное. А пока работали, сочинили одного коллективного художника, объединяющего наши фамилии. Чтобы им подписываться. Решили — если книжка иностранная, ну там, французских сказок, то художник — Перломон, а если русские сказки — тогда Ломопер. И вчетвером быстро книжку сделали, больше ста рисунков получилось. Но с художником Ломопером (и с Перломоном тоже!) не вышло — оказалось, что под одной фамилией вычеты будут очень большие, а

нении, надо все это расшифровать. Вот, например Мизгирь – знаете, что это такое? – Паук! На современном языке. Но читаешь пьесу – это же сама доброта, какой же это кровопийца паук? А это *влюбленный Паук*.

А Снегурочка что такое? В древности зимой из окрестных деревень выбирали самую красивую девушку и приносили в жертву духам леса – заводили в лес, привязывали к дереву... Она и называлась Снегурка.

А Бобыль? Возьмите любую энциклопедию, во всех написано черт-те что: одинокий, безземельный, бездетный... ленивый... Какой же он одинокий, когда у Островского – Бобыль и Бобылиха? На самом деле, Бобыль – это тот, у кого нет наследника. У него может быть десять детей, но только девушки! Вот у меня две дочери – я тоже Бобыль.

Занимаясь Островским, сказками, былинами, я понял, что нам необходима азбука орнамента. Ведь в языческие времена одежда расшивалась разными узорами, и по узорам можно было понять: эта из такой-то губернии, эта просватана, эта на выданье, эта рукодельница, этот охотник... Даже во что верит хозяин одежды, можно было прочесть. Нужна эта азбука и художникам, и ученым, и дизайнерам, например. А то поет народный ансамбль, а у них на мужской рубашке – женские орнаменты.

Вопрос. Вы так подробно занимаетесь славянской древностью? Древнерусской литературой? Наверное, «Слово о полку Игореве» иллюстрировали?

В. Лосин. Иллюстрировал. И знаете, в процессе работы убедился, что «Слово» – это подделка. Например, «полк» – такой военной единицы на Руси не было, Игорь полковником не был. И природа там сопеживает людям – это что-то из эпохи Н.М. Карамзина, не из XII века. Но академик Д.С. Лихачев на все возражения отвечал: «Это доказывает гениальность автора!».

Вопрос. Но Александр Сергеевич тоже так считал! Он был уверен в подлинности «Слова».

В. Лосин. Пушкин и песням Оссиана верил, верил, что они настоящие! А сам что писал? Вещий Олег решил отомстить неразумным хазарам – хорошо. Но хазары-то – кочевой народ, какие же это их «села и нивы» предал он мечам и пожарам? Откуда у кочевников нивы? Или когда Олег пирует с дружиною «при звоне веселом стакана» –

это они тогда мед стаканами пили? В Детгизе бы ему сказали: «Сашенька! Пушкин! Забери рукопись и принеси через неделю, все исправь! Так нельзя».

Нет, недаром Лев Токмаков говорил, что Лосин может защитить докторскую диссертацию на какую угодно тему! Литература, история, этнография, звери и птицы, музыка, архитектура... все это составляет круг самых близких, бытовых интересов художника. С ним можно соглашаться, можно спорить, но в любом случае придется соответствовать уровню. Окончательно Вениамин Николаевич подкосил меня, когда спросил: «Кто написал балет «Павильон Армиды», не помните? Вот склероз, забыл... а, Черепнин!».

Посадил самурай репку...

Вопрос. На вашей последней выставке в Музее экслибриса тоже былины и сказки?

В. Лосин. Нет, там Драгунский еще. И «Репка». С «Репкой» удивительные дела творятся – ее с 80-х годов стали печатать в Японии. Там очень любят наши сказки. И поначалу их местный, японский художник сделал к ней иллюстрации – Бабка в кимоно, со спицами в прическе, внучка – тоже, дед, такой самурай несостоявшийся, а вместо репки белый турнепс какой-то. Нашим послом в Японии был тогда бывший министр сельского хозяйства, и уж что-то, а репку-то он знал, и сказал им: «Вы уж лучше поезжайте в Россию». Они и поехали, взяли мою книжку и с тех пор ее издают, потому что популярность ее в Японии удивительна, там ребятишки заканчивают занятия и играют «в репку»: хватают друг друга за бока или прохожих хватают, и никто не сердится, все тянут-потянут и хохочут.

А знаете, почему репа выросла у старика такая несуразная? В сказке же все мотивировано. Просто-напросто старик Слово знал. Заклинание произнес, когда сажал. А те, кто обрабатывал сказки, всю эту чертовщину выбрасывали – для торжества материализма. И остались мы без русских сказок! Нам надо наши сказки возрождать.

Музей детской иллюстрации

Вопрос. Скажите, Вениамин Николаевич, а ученики у вас есть?

В. Лосин. У меня учителя были замечательные. Они столько времени нам уделя-

ли, будучи и художниками, и редакторами, и страшно занятыми людьми... Я понял, что я так не смогу. И еще, скажу честно, звонили мне как-то из Полиграфического института, звали преподавать, звание профессора давали. Я нагло спросил, а какова зарплата. Мне ответили: нормальная! А конкретней? Сказали: 5 тысяч рублей.

Вопрос. И кто же теперь будет учить книжной иллюстрации?

В. Лосин. У нас рухнуло искусство детской книги. Рухнула симфоническая музыка. Рухнула опера – окончательно.

Вопрос. А что осталось?

В. Лосин. Эстрада. В самом худшем ее качестве. Жена недавно нашла на помойке, возле мусорных баков, собрание А.П. Чехова. Академическое, коричневое, связанное веревочкой. Взяла, отдала кому-то. Вот что сейчас выбрасывают.

Вопрос. Просто у вас дом интеллигентный.

В. Лосин. Да, Большому театру принадлежал. И такое падение сейчас – везде, и в книжной иллюстрации тоже. Серьезное рисование заменилось своеобразной эстрадой.

Какие-то «фабрики звезд», мультяшечки – то, что было невозможным даже десять лет назад. Художники-мультипликаторы сейчас оформляют книги – это недопустимо!

Вопрос. Ну и как же нам быть? Как с детства «ставить вкус» человеку?

В. Лосин. «Дошкольное воспитание» называется ваш журнал? Вот дошкольное воспитание и должно этим заниматься. Детские журналы должны быть хорошие. Книжки детям выбирать с умом, т.е. со вкусом, с неслучайными иллюстрациями. Есть ведь иллюстрации Ю. Васнецова, есть В. Дувидова, Г. Калиновского – талантливейшего художника. А чтобы сохранить все лучшее, чтобы прививать ребенку художественный вкус, необходимо открыть Музей детской иллюстрации. Может быть, при РГДБ он и откроется.

Надеюсь, Вениамин Николаевич, мы встретимся с вами и вашими героями в этом музее!

К. ЗУРАБОВА,
член Союза писателей России